

Глава 1. Скандал. (Люциус Малфой)

Летние каникулы начались со скандала. Вначале некий совестливый и равнодушный гражданин, изучая современную историю Магической Британии наткнулся на любопытный факт: оказывается, как раз незадолго до знаменитой эпидемии драконьей оспы, от которой серьезно пострадали многие уважаемые семейства, Министерство в лице Отдела Тайн конфисковало у семейства Розье любопытный артефакт, заклятый на крови... и вполне способный справиться с эпидемией в зародыше. Вот только когда те же Розье обратились к Министерству с просьбой разрешить использование этого артефакта под присмотром министерских магов, решение этого вопроса, составление сопроводительных записок, сопроводительных отписок и прочих бумаг заняло столько времени, что к моменту, когда разрешение было готово вот-вот появиться, эпидемия закончилась сама собой, унеся, как уже было сказано, множество жизней. Данный совестливый и равнодушный, хотя и пожелавший остаться неизвестным, гражданин не поленился опубликовать данную историю и следующие из нее выводы в «Ежедневном пророке». Громынуло. Правда, громынуло пока несильно: всего-то на три дня Министерство оказалось погребено под горой Громовещателей, которые несли в здание все новые и новые совы.

Когда же министерские чиновники вздохнули было с облегчением, волна скандала поднялась еще выше. Правда, сначала никто не связал ее с историей эпидемии: Мистер Бартемиус Крауч публично выступил с сенсационным заявлением:

— Господа, — объявил он на специально созванном открытом заседании Визенгамота, — недавно выяснилось, что Министерство совершило страшную ошибку, и, возможно, двенадцать лет провел в Азкабана невинный! — Это вызвало определенный интерес у зевающего собрания. Признать ошибки и каяться в грехах, тем более — публично, было как-то не принято. А кто именно был главой ДМП двенадцать лет назад — многие хорошо помнили. — Недавно в мой дом попыталась пробраться крыса. Ее поведение привлекло мое внимание, и я использовал выявляющее анимагов заклинание. Впрочем, уверен я не был, и потому был несколько удивлен, когда заклинание все-таки сработало. А еще больше я был... нет, «удивлен» — это, определенно, неподходящее слово. Я был поражен и шокирован тем, что этой крысой оказался кавалер Ордена Мерлина первой степени, Питер Питтегрю, — зал охнул. Многие из присутствующих — присутствовали и на том заседании, когда этот орден Питеру был присужден... посмертно.

— Как же так? — выкрикнул кто-то с места. — Неужели это не выяснилось, когда судили Блэка?

— К сожалению, — склонил голову Крауч, — когда мистер Блэк был брошен в тюрьму, я, по семейным обстоятельствам был... недееспособен.

— Каждый день в хлам ужирался, до бредовых видений, — шепнул возле моего плеча Уолден. — В общем-то, я его понимаю... Если бы пришлось так вот... собственного сына... Я бы наверное, вообще спился. Или с собой покончил. Кремень-человек. Хотя и враг.

— Когда же я вновь сумел вернуться к исполнению своих обязанностей, то был уже вполне справедливо смещен с поста главы ДМП, да и, признаться, я просто не мог представить, что последнего представителя главной ветви такого видного, хотя и темного семейства, как Блэки, можно кинуть в Азкабан без суда, так же, как не мог бы представить себе спуск на воду линкора без днища.

— О чем это он? — спросил у меня МакНейр.

Я пожал плечами. Крауч явно кого-то цитировал... но вот кого именно — я так и не понял*.

/*Прим. автора: Уинстон Черчилль «Вторая мировая война. Мемуары. Том 1» Речь идет о сдаче Сингапура: «Я это пишу вовсе не для того, чтобы как-то оправдаться. Я должен был все это знать. Мои советники должны были знать, они обязаны были информировать меня, а я должен был спрашивать у них. Я не спрашивал об этом, хотя и задавал тысячи других вопросов, потому что мысль о том, что Сингапур может не иметь обороны с суши, просто не приходила мне в голову, как, скажем, не могла прийти в голову мысль о возможности спуска на воду линкора без днища»*/

— И что дальше? — задал вопрос другой голос из зала. Признаться, мне было недосуг высматривать, кто именно это было... да и, подозреваю, никому из остальных тоже не было до этого дела. Вопрос вертелся на языке слишком у многих.

— Я допросил Питтегрю, и выяснил, что, по крайней мере, главное обвинение против Блэка — было ложным. Он не предавал Поттеров и не приводил к их порогу Того-кого-нельзя-называть. Это сделал Питтегрю!

Зал охнул.

— Как же так? — спросил, поднявшись со своего места Амос Диггори. — Получается, что Блэк — невиновен?

Крауч пожал плечами.

— Может — да, может — нет. Кто там произнес заклятье, приведшее к гибели двенадцати магглов — не помнит и сам Питтегрю. Но, исходя из принципа разумного сомнения и в отсутствие других доказательств — мы должны признать, что существует как минимум одна версия, не включающая в себя виновность Сириуса, и, следовательно, должны признать его невиновным. Равно как и не можем обвинить в этом преступлении Питтегрю — на основании, что версия о виновности Блэка так же не может быть опровергнута.

— Да плевать на этих магглов! — снова вскочил усевшийся было Диггори. — Если Блэк не предавал — его надо...

— Он должен быть полностью реабилитирован, — кивнул Крауч, — а его наследникам — выплачена соответствующая компенсация.

Лицо Фаджа исказилось. Компенсация за двенадцать лет Азкабана обещала быть просто баснословной.

— Мистер Крауч, — начал он. — Аврорат и Департамент магического правопорядка...

— К аврорату не может быть никаких претензий, — перебил его Крауч. — Авроры выполнили свою задачу: захватили подозрительного волшебника, после магической схватки на глазах у магглов, провели первичный опрос и доставили его в департамент, где и поместили в камеру предварительного заключения для продолжения следственных действий. Тут они были в своем праве. А вот кто отдал приказ о переводе мистера Блэка в Азкабан — я так и не нашел. Более того, такого приказа вообще нет в архиве Аврората и Департамента магического правопорядка. Есть только служебная записка о том, что «заключенный»... обратите внимание — «заключенный», а не «задержанный», Сириус Блэк доставлен в Азкабан. Кем и по чьему именно приказу — не сказано. Дата на данной служебной записке — 10 ноября 1981 года, то есть — через три дня после моего увольнения.

Некоторое время после этого Министр и главы департаментов пытались отфутболить «Дело Блэка», и, соответственно, необходимость платить компенсацию, друг другу. В конце концов, они пришли к выводу, что вся эта некрасивая история — дело рук неких неназванных сторонников Темного лорда, пытавшихся выгородить Петтигрю. Пришлось встать и напомнить собранию, что наследником Блэка, и, соответственно — потенциальным получателем компенсации, является никто иной, как Гарри Поттер, национальный герой, Мальчик-который-Выжил и так далее... Процесс отфутболивания замер. Заикнуться о невыплате денег сироте с такой фамилией... Это представляло нешуточную опасность не только для политической карьеры, но и для жизни. Разъяренная толпа может и порвать на сотню маленьких фаджиков.

Я же сел и задумался: ситуация была... многообещающая. Сейчас в Министерстве явно развернется охота на ведьм с навешиванием на неугодных всех собак. Пожалуй, на освободившиеся места можно будет протолкнуть кое-каких людей, которые будут мне сильно обязаны... На величественном лице Дамблдора нельзя было прочесть ничего. Не удержал он эту маску буквально на секунду в начале выступления Крауча. Но из этого можно было сделать вывод, что к данному скандалу директор Хогвартса не имеет отношения. Правда, сейчас он, как и я, наверняка просчитывал, как повернуть ситуацию в свою пользу, и какие места поддаются освобождению с целью замены имеющихся нейтралов и противников своими людьми.

Стремясь ослабить влияние предыдущих скандалов, Фадж решил спровоцировать собственный. Он спустил с поводка главное пугало — Риту Скитер и скомандовал «Фас!» Та немедленно подхватила свои главные орудия труда — большое ведро с... скажем так — отходами и широкую кисть и со всем энтузиазмом кинулась выполнять полученную команду. Тьма опустилась на политический Олимп Магической Британии, и в этой тьме раздавались стоны, плач и скрежет зубовый.

И первым делом Скитер, неизвестно каким образом, но раскопала события, сподвигнувшие Бартемиуса Крауча к неудержимому раскаянию. Оказалось, что поместье Краучей действительно посетили с анонимным визитом некие личности, всячески постаравшиеся эту самую анонимность сохранить. Вот только вместо того, чтобы что-то украсть, они, напротив, оставили на столе, на самом видном месте, парализованную крысу и записку, в которой была описана давняя, но не потерявшая неприглядности история. Завершалась же записка и вовсе прозрачным намеком на то, что «информация все равно всплывет, рано или поздно, так или иначе», и что «бороться с водоворотом — занятие не особо осмысленное, и гораздо разумнее — нырнуть поглубже, с тем, чтобы там, где течение ослабеет, можно было спокойно отплыть в сторону».

В ответ на эти обвинения, Крауч, пойманный Скитер прямо в атриуме министерства, пожал плечами, с ответил, что не видит, в чем, собственно, суть обвинений. Что основные события он на заседании Визенгамота передал верно, а то, что о чем-то умолчал... так если он будет рассказывать все, что ему известно — то любое заседание с его участием продлится не менее года. Подобное... маневрирование не пришлось по вкусу читающей публике... но Крауч мог себе это позволить. «Глава Департамента по международному сотрудничеству» — не было выборной должностью, да и толпы желающих занять этот высокий, но бесперспективный, зато крайне хлопотный пост — не наблюдалось. Так что Крауч мог себе позволить еще и не такое.

Еще одна новость, так же раскопанная Ритой на этом фоне решительно потерялась. Скандал в благородном доме Лонгботтомов был, кажется, интересен исключительно домовитым кумушкам.

Алиса Лонгботтом, окончив курс лечения в госпитале св. Мунго, вернулась домой, и пожелала

расспросить своего сына о том, как ему жилось все эти годы... После бесхитростного рассказа доброго ребенка, аврор в отставке ласково поправила на нем одеяло и твердым шагом поднялась на этаж выше. Там у нее состоялся крупный разговор со свекровью и гостившим в доме господином Эджерноном Кроукером. По итогам этого разговора distinguished господин Кроукер вознамерился то ли научиться летать без метлы, подобно Тому-о-ком-не-стоит-говорить, то ли решил обрести крылатую анимоформу. В общем, мистер Эджернон ласточкой вылетел из окна четвертого этажа. К сожалению, попытка продвинуть мировую магию окончилась решительной неудачей — при приземлении смелый экспериментатор сломал палочку, нос, ключицу, три ребра и левую руку. Правда, отдельные несознательные свидетели настаивали, что двойной перелом палочки господин Кроукер заработал до того, как решился на столь храбрый поступок, и что обломки выкинула в окно вслед за гостем distinguished миссис Френк Лонгботтом. Когда же господина Кроукера откачали в св. Мунго, он первым делом заявил, что не имеет никаких претензий к благородному дому Лонгботтомов и его представителям, и, тем более — представительницам. Так же было замечено, что на последовавшем за данным разговором с родственниками собрания Благотворительного комитета, леди Августа Лонгботтом присутствовала без своей любимой шляпы с чучелом грифа.

Последовали и другие разоблачения. В частности, выяснилось, что некоторые из артефактов, конфискованных у чистокровных семейств, были исследованы без надлежащего соблюдения осторожности, что привело к гибели нескольких видных исследователей и замечательных волшебников. В частности, пострадала жена редактора «Придиры» — Селеста Лавгуд. Скандал разрастался. Под его прикрытием нам, аристократической фракции, удалось пропихнуть закон «О неизъятии семейных и родовых артефактов», мотивируя это заботой о безопасности простых волшебников, которые могли подпасть под удар в результате неумелого обращения с родовыми артефактами. Правда, пришлось вписать право сотрудников Отдела тайн на ознакомление с артефактами и уничтожение особо опасных, но это право удалось обставить такими условиями, что прибегнуть к нему стало практически невозможно.

Дамблдор и его партия, пользуясь ослаблением позиций Министерства, сумели добиться увольнения нескольких мешавших им чиновников, проведя на их место своих людей. Не то чтобы мы не пытались этому сопротивляться... Но ситуация сложилась так, что не бросить Дамблдору кость мы просто не могли. Впрочем, пара особенно раздражающих стариков из нейтралов лишилась своих должностей в пользу наших людей. Само Министерство лихорадило. Непримкнувшие к одной из сторон противостояния волшебники спешно искали себе покровителей. Примкнувшие — зывали о помощи, либо сами старались скovyрнуть противников своей фракции. Кресло Фаджа отчетливо шаталось, но в сложившейся обстановке я находил необходимым поддержать его, чтобы избежать прямого столкновения с Дамблдором. Зато в его фракцию удалось внедрить несколько агентов: якобы нейтральных молодых людей, занявших освободившиеся в результате ведомственной склоки посты, внешне — полностью лояльные Фаджу, но на самом деле — верные идеологии аристократии, и понимающие, что демократия — невозможна просто потому, что несовместима с понятием «государственная тайна» и многими другими. А значит, те, кто говорят о «демократии» — стремятся просто перетянуть одеяло на себя, и стать новой аристократией самим. И, не обладая достаточно громкими фамилиями и связями, данные молодые люди примкнули к нам либо по идейным соображениям, либо понимая, что ловцы удачи в мутной воде с большей вероятностью пожертвуют своими последователями, чем сторонники предсказуемого курса и дворянской чести.

Разумеется, все стороны столь внезапно обострившегося конфликта старательно рыли носом землю и просеивали груды фактов в поисках того, кто заварил эту кашу, а, заодно — по мере

сил и возможностей мешали друг другу. Впрочем, несмотря на все приложенные усилия, результат оставался околонулевым. Нет, кое-что выяснить удалось. В частности, «совестливым и равнодушным гражданином» оказался некий Джон Готсторп, стажер в госпитале святого Мунго. В поисках материала для дипломной работы он получил доступ к архивам министерства, и, перекапывая их — наткнулся на исходные данные. Но вот как косноязычному и необщительному молодому человеку, витающему большую часть времени где-то среди медицинских заклиний и артефактов, удалось написать статью, прочитанную множеством домохозяек, ремесленников и прочих полезных членов общества, а не «понятную исключительно медикам»? И, главное — как получилось, что статью приняли в «Ежедневном пророке», и даже напечатали?

Удалось также выяснить, что один из редакторов «Ежедневного пророка», пожилой и одинокий волшебник, до этого едва сводивший концы с концами, внезапно получил возможность осуществить свою давнюю мечту и уехал в Австралию, где следы его надежно затерялись. Когда авроры, расследующие дело «О взяточничестве, коррупции и разглашении сведений, составляющих государственную тайну», ворвались в его дом — тот оказался девственно чист, а над самым домом был проведен ритуал «Отречения». Так что, хотя недвижимость и оставалась формально в собственности исчезнувшего редактора, но провести по ней магический поиск не удалось. Зато, когда по приказу Фаджа дом попытались арестовать — тут же всплыл иск от Гринготтса. Оказывается, мистер Эверетт Бейли перед отъездом, взял кредит у гоблинов под залог недвижимости, и уже успел просрочить два платежа. Так что право преимущественного выкупа было именно за банком. Очередной скандал и судебная тяжба с гоблинами намертво отвлекли внимание как Фаджа, так и Дамблдора, и под шумок мне удалось повернуть пару маневров, не принеся, впрочем, ожидаемого успеха. Возможно, Дамблдор был не настолько увлечен склокой с Гринготтсом? Впрочем, я хорошо подстраховался на случай неудачи, так что она не принесла серьезных проблем.

И вот, после двух недель безуспешных поисков и отчаянной грызни я сделал то, с чего, возможно, стоило бы начать: уселся в кресло и задумался. Крепко задумался. Я более-менее представлял себе действия свои и своей фракции, несколько хуже, но хотя бы в общих чертах — действия Фаджа, Дамблдора и десятка независимых игроков и считающих себя таковыми. Но вот кого я совершенно не видел в сложившейся картине — так это нового Темного лорда, которому принес присягу мой сын. Возможно ли, что отсутствие следов само по себе было следом, и что новый Лорд покинул уровень маневрирования внутри Хогвартса и вмешался в игру большего масштаба?

— Добби! — позвал я, и домовик немедленно явился на мой зов. — Сообщи... — я схватил себя за язык. А что, собственно, сейчас даст разговор с Драко? В любом случае он сделает большие глаза и скажет, что в игру такого уровня его не посвящают. И у меня нет никаких аргументов, которыми можно было бы припереть его к стене. А значит... — Сообщи леди Нарциссе, что ее супруг желает видеть ее в Северной спальне примерно через час.

К Мордреду все! В конце концов, имею я право немного отдохнуть?!

<http://tl.rulate.ru/book/69519/1850523>